

Национальные культуры России в условиях трансформации социума в XXI столетии

А.Л. Панищев

.....
Данная статья посвящена проблеме сохранения единства поликультурной страны – России в условиях трансформации правовой среды и кризиса национальной культуры. Автор статьи считает, что национальная культура является единственной возможностью для сохранения целостности государства и гражданского мира.

Россия традиционно является мультикультурным государством, объединяющим в себе множество этносов, народов. С одной стороны, в этом многообразии культур заключается огромная мощь Русского государства, однако, с другой стороны, многообразие такого рода требует непрестанной духовной и интеллектуальной работы народа, прекращение которой означает национальный крах, распад страны, в том числе неконтролируемый. Сам факт того, что нация должна непрерывно работать над своей духовностью, является очевидным преимуществом, поскольку для человеческого сообщества противоестественно прекращение развития.

В данном случае нелишне вспомнить, в чем состоит чтойность человека. Здесь понятие чтойности употребляется в той плоскости, которую задал Аристотель. Заметим, что чтойность человека – это то, без чего он не может быть человеком. *Чтойность* есть такое осмысление вещи, в

котором она сама не содержится, но именуется им и обозначается им. Стало быть, чтойность вещи выражается в ее имени, которое призвано отражать ее смысл. Причем имя и вещь должны выражать формальное сущностное единство. В этом сложном слове выделяются две части: чело и век. Слово «чело», вероятно, является общеславянским суффиксальным образованием от глагольной основы, выступающей в литовском языке как *kelti, keliu* – поднимать (ср. лит. *kalnas – гора*), лит. *excello* – *возвышаюсь, поднимаюсь* (ср. лат. *celsus – высокий*). Первоначальное значение слова «чело» – *возвышенность, гора*, откуда далее как *высшее качество*. Другая часть слова «человек» – «вѣкъ» – использовалась в значении «сила».

Исходя из такого этимологического анализа слов «чело» и «век», представленного в «Кратком этимологическом словаре» под редакцией С.Г. Бархударова¹, может быть определено перво-

Панищев Алексей Леонидович – к. филос. н., доцент кафедры философии и социологии Курского института социального образования (филиал) Российского государственного социального университета. E-mail: aleksepanishhe@rambler.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Новые теоретические подходы к исследованиям модернизации России в контексте усложняющегося социума», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8812 от 15 ноября 2012 г.).

начальное значение слова «человек» как *обладающий полной силой, взрослый мужчина*. Однако при данной расшифровке слова «человек» остается неясным место для значения слова чело в контексте высшего качества. Понятно, что далеко не каждый взрослый мужчина выражает собой высшее качество. Если мы вновь обратимся к этимологическому разъяснению второй части слова *человек* – слову *в Ткъ*, то, как было уже указано выше, это слово употребляется в значении сила. На латинском языке слово сила пишется так: *voluntas, velle*. Именно от последних двух форм происходит слово *воля*. В «Православной энциклопедии»² понятие «воля» формулируется как сила, неотъемлемо присущая природе разумного существа, благодаря которой оно стремится достигнуть желаемого. В греческом языке этимологически слово «воля» означает то, что природы стремятся к тому, что для них желательно. Иначе говоря, под силой следует понимать активное начало к реализации потенции, заключенной в человеке. В общем так или иначе, но действительно чуждость человека состоит в его стремлении к высшему качеству, постоянной работе над своим внутренним миром. Без этого стремления немислима природа человека. Тем не менее ее вырождение приводит к угасанию силы и стремления к достижению высшего качества.

Надо обратить внимание на то, что поликультурное государство поддерживается непрерывной духовной и интеллектуальной работой своих граждан. Подчеркнем, мышление гражданина мультикультурного государства должно охватывать широкий диапазон понятийного аппарата, опирающегося на словарный состав не только родной культуры, но и на иноязычную лексику, заимствованную от иных этносов, иных культур. Здесь речь идет и об овладении неродными, чужеземными языками, и об усвоении в составе языка своей родины концептов из иных языков. Например, слово «сабантуй» (тюрк. «сабан» плуг + «туй» праздник) означает народный праздник у татар и башкир в честь окончания весенних полевых работ, а со временем оно утвердилось и в русской речи. Добавляя многообразие в богатый лексикон россиян, это слово означает шумное веселье, застолье. Необходимо отметить определенную закономерность: чем богаче языковое многообразие нации, тем мощнее база для развития мышления человека.

Вспомним, что мышление есть отражение мира в понятиях. Карл Густав Юнг давал такое определение понятию мышления: «Мышление есть та психологическая функция, которая, следуя своим собственным законам, приводит данные содержания представлений в понятийную связь». Способность же к направленному мышлению К.Г. Юнг называет интеллектом³. Таким образом, мы видим прямую взаимосвязь между уровнем интеллектуального развития человека и той культурной средой, в которой он живет. Чем больше концептов он способен усвоить, тем мощнее база для развития его мышления. Од-

нако общность, замкнувшаяся в понятийном аппарате исключительно одной культуры, обречена на стагнацию и постепенное разложение.

Л.Н. Гумилев отмечал опасность локализации культуры, видя в таком процессе пагубность для этноса: «Отсутствие частого общения с иноплеменниками неизбежно ведет к стабилизации отношений внутри этноса. Возникает структура, которую мы называем «застойной», а в этносе происходит упрощение системы»⁴. Поэтому понятно, почему так важно беречь многонациональность страны, дорожить поликультурностью как национальным достоянием, служащим фундаментом для интенсивного интеллектуального и духовного развития. Жизнеспособность мультикультурного государства поддерживается духовно живыми, интеллектуально развитыми людьми.

В последнее время в философской антропологии все чаще и чаще приводятся факты, свидетельствующие о смерти человека как такового. П.С. Гуревич пишет: «Человек становится предметом археологии и этнографии, неким символом изживших себя форм биологического существования»⁵. Подобные мысли мы находим и в работах других исследователей, например С.А. Смирнова⁶, С.В. Колычевой⁷, Р.М. Руповой⁸. Впрочем, проявляющие внимание к подобным явлениям люди заметят то, что в странах Западной Европы антропологическая катастрофа приняла более широкий размах, нежели в России. Однако, в отличие от Западной Европы, Россия объединила в своих границах сотни народов, культуры которых не нивелированы и не аннулированы позитивным правом, а потому для России антропологический кризис грозит не только общим падением морали, но и дестабилизацией правовых отношений и межнациональными конфликтами. Примечательно, чем богаче, разнообразнее и мощнее в культурном отношении страна, тем более болезнен и трагичен ее распад. Достаточно сопоставить процесс дезинтеграции Чехословакии (там гражданский раскол общества прошел достаточно спокойно, бескровно) с последствиями распада Югославии, где на осколках крупного европейского государства развернулась страшная братоубийственная война, фактически не прекращающаяся по сей день.

Масштабы же и последствия вероятной смуты в России будут катастрофическими, и здесь невольно приходят на память слова великого поэта: «Страшен русский бунт...». Непростая ситуация во многом подогревается людьми, в памяти которых живы воспоминания о большом международном влиянии своей Родины как в царские времена, так и в советские. Б.В. Марков отмечает: «Парадокс в том, что распавшаяся империя может еще долгое время... в какой-то мере определять решения и поступки людей»⁹. Действительно, великая советская империя распалась, и ее граждане, ощутив когда-то величие своего государства, уже не могут согласиться на

меньшее. В силу этого в их сознании закономерен протест против сложившегося положения дел. Да и мышление, обращенное к огромным географическим пространствам, охватывающее большое количество культур, оказалось, в сущности, загнанным в более ограниченные формы. В этих ограниченных пределах оно не помещается и часто «выпирает» в нелепеприятном, подчас криминальном виде. Народ, привыкший мыслить имперскими категориями, уже не в состоянии свыкнуться с мышлением узконациональным.

Для сохранения стабильности социальной жизни страны и обеспечения ее развития необходимо восстановление национальной культуры, которая являлась бы не неким ингредиентом этнографического материала, служащего делу рентабельности туристического бизнеса, а живой составляющей бытия народов России. Бесспорно, в одной статье невозможно охватить большинство сторон национальной культуры России, поэтому мы ограничимся той ее частью, которая связана с консолидацией различных общностей и их самоидентификацией в отношении своей государственной принадлежности. Думается, что на пространстве русской культуры имеет место быть ярко выраженный диффузионизм (от лат. *Diffusio* – разливание, просачивание), выражаемый в распространении традиций русской культуры на обширных территориях. Спецификой такого распространения стало то, что русская культура подчинила себя нормам православного христианства, а потому ее репрезентантом стали не узконациональные стереотипы, не этнические ценности, а категории наднациональной религии. Именно в таких условиях стал возможен межкультурный диалог.

Концепцию диалога культур предложил русский философ Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975 гг.). Согласно воззрениям М.М. Бахтина, диалог культур предполагает межкультурное взаимодействие, ориентированное на объединение участников диалога. Вне диалога невозможно мирное, конструктивное сосуществование культур. Между тем диалог культур заставляет их представителей искать в недрах своих культур те достояния, которыми уместно гордиться, которые поддерживают национальное достоинство. Именно в диалоге культур раскрывается их жизнеспособность, красота и величие. М.М. Бахтин отмечает, что не существует некой единой мировой культуры, но есть единство всех человеческих культур, существуют такого рода ценности, которые свойственны всем людям – именно таковые ценности служат основой для диалога культур. Таким образом, М.М. Бахтин справедливо указал на имеющее принципиальное значение обстоятельство: межкультурный диалог возможен только в условиях приоритета общечеловеческих ценностей. Эталоном культурного диалога может служить пример, который подал русский народ своим жизненным укладом. Русская культура, постулируя ценно-

сти, носящие антропологический смысл, то есть связанные с добротой, целомудрием, ответственностью, охватила своей духовностью культуры иных этносов, привлекла соседние народы тем, что именно в русской культуре они узрели путь к своему духовному выживанию и росту.

Для того чтобы Россия по-прежнему могла представлять собой прочный фундамент национального единства, необходимо соблюсти два условия: во-первых, возродить собственную культуру; во-вторых, обеспечить доступность средств коммуникации на всем пространстве России. В случае невыполнения первого условия России будет нечего предложить другим народам; на международном уровне страна станет ассоциироваться с чем-то отсталым, диким и отталкивающим. К слову сказать, в период активного расширения территории России русский народ как титульная нация являл собой пример высокой духовности и нравственной чистоты. Традиционно русский человек мыслился как образец целомудрия, благочестия. Так, архидиакон Антиохийской церкви Павел Алеппский, бывший в России с 1654 по 1656 г., описывал русских людей как святых. Он так и писал: «Без сомнения, эти русские – все святые, ибо превосходят своим благочестием даже пустынных отшельников. Богу угодно было сделать этот народ Своим – и он стал Божиим – и все его действия – от Духа, а не от плоти...»¹⁰. Вот при таком состоянии нации Россия имеет все основания объединять вокруг себя иные народы, сохраняя и обогащая их культуры. Если же в России по-прежнему будет процветать сквернословие, открытая реклама разврата и иных аддиктивных форм поведения, то кроме обвинений в шовинизме, захватнической политике Россия от зарубежных партнеров не получит ничего.

Непременным условием для сохранения многонациональности является открытость самой культуры, вокруг которой происходит объединение многих этносов и народов. Однако открытость культуры есть черта нравственной чистоты, благородства нации, которая ее несет. Весьма легко быть открытым тому человеку, который не имеет на своей совести особенно тяжких грехов (например, грехов растления других людей, богохульства, жестокости, лицемерия), так и народ тогда открыт к другим этносам, если то, что он им предлагает, составляет подлинное воплощение высоконравственной жизни. Именно такая открытость дает человеку разумное понимание настоящей свободы. «Мы обретаем свободу там, где мы открыты, где сохраняем данные нам возможности в напряженности противоположностей, где в ходе меняющихся ситуаций принимаем решения, исходя из наших исторических истоков, и непредвзято воспринимаем бытие в его новом содержании»¹¹, – писал Карл Ясперс. Такого рода свобода есть неременное условие для формирования и развития многонациональных общностей. Для нее, свободы, нужны люди, в которых нет рабского сознания,

которые готовы пойти на самопожертвование не только ради своей чести, но и ради чести других, способны пойти в «пропасть для свободных людей». Именно такие граждане создают поистине великие государства (великие не в смысле величия наполеоновской Франции или фашистской Германии, а величие в смысле высокодуховной страны). Нация, живущая в чести и достоинстве, сама по себе являет предмет восхищения и желания стать ее неотъемлемой частью.

Второе условие – доступность и развитость средств коммуникации – также важно, а его актуальность обострилась в силу того, что значительная часть населения в современной России живет настолько бедно, что, к примеру, позволить себе авиаперелет из Москвы во Владивосток могут лишь единицы россиян. Несмотря на кажущиеся прозаичность, упрощение подобных проблем, пренебрежение ими, желание обойти стороной острые вопросы действительности – все это может привести к самым печальным последствиям как на частном, бытовом уровне, так и в общегосударственных масштабах. Недоступность средств коммуникации нередко приводит и к разрыву семейных отношений (поскольку со времен СССР стала обычной ситуация, когда по воле случая дети оказались, например, на Чукотке, а родители – в Крыму...), и к росту недовольства центральной властью, которая стала настолько далекой от Зауралья, что добраться до нее могут лишь «избранные».

Наконец, недоступность путей сообщения для большинства граждан, отсутствие между регионами страны константных связей способны спровоцировать локализацию этнических культур и рост сепаратизма. Здесь необходимо осознать то, что в период включения коренных народов Сибири в состав России у них еще не сформировалось развитое государственное сознание, а православное христианство принималось в силу осознания его разумности и душеполезности. Более того, для многих народов принятие христианства автоматически означало признание власти русского правителя, как например, это было с народами Коми, которые крестились в 1370-х гг. по духовному подвигу Стефана Пермского.

Христианизация и включение народов Коми в состав России являет собой яркий пример культурной открытости самой России и ее отеческой заботы об иных народах, потому мы подробнее остановимся на этом историческом факте. Стефан Пермский не просто пришел и крестил людей, а предложил им эталон духовной жизни и основы интеллектуального развития. Вспомним, что Стефан Пермский в 1370-х гг. разработал азбуку для коми-зырянского языка (древнепермскую письменность или *абур*). Стефану Пермскому суждено было стать и просветителем, и крестителем народов Коми, причем здесь понятия «просвещение» и «крещение» взаимосвязаны. Надо заметить, что

в такой просветительской деятельности Стефана Пермского кроется настоящий духовный подвиг. Помимо огромной интеллектуальной работы, таланта проповедника, бесстрашия перед угрозой смерти, Стефану потребовалась большая любовь к людям, умение видеть ценность в каждом человеке, в том числе и некрещеном. Стефан Пермский был прежде всего представителем русского народа, в среде которого образ жизни Стефана Пермского был распространен, пусть и в не столь яркой форме. Так или иначе, но народы Коми видели в Стефане Пермском не доброе исключение, а пример жизни русского человека, на основе которого составлялось представление обо всех народах, объединяемых Московским княжеством.

В современной России моральный уровень нации уже не тот, который позволял бы ставить русских людей как образец праведности, и почти все народы уже имеют весьма четкие, если не понятия, то представления о государстве. Что касается материальной стороны, то ни в коей мере нельзя преуменьшать ее значения. В советский период во многих дальних регионах страны индустриальная база была обеспечена, она предоставляла достаточные материальные средства к жизни и позволяла организовывать самостоятельное производство ряда вещей. В настоящее время все эти возможности, завоевания, приобретенные в отдаленных районах СССР благодаря трудовому подвигу советских граждан, могут стать основанием для разделения российской территории (к примеру, отделение от России Зауралья).

Поэтому необходимо в кратчайшие сроки обеспечить для большинства россиян доступность средств коммуникации на всех просторах России. Думается, что здесь нельзя полагаться на частный бизнес, поскольку предприниматель не есть купец, традиционно придерживавшийся христианских норм, служивший в своем статусе Богу и православному государю, для которого «купеческое слово» было важнее любых юридических документов. Предприниматель служит прежде всего себе и заинтересован в максимальной личной выгоде в наиболее короткие сроки. Частного предпринимателя не будут заботить глобальные проекты, связанные с освоением космоса, сохранением национальных культур, поддержанием мира на земле... – все это важно для крупных государств, служащих добру, таких, как Россия, но не для частного дельца. Поэтому-то сохранение единства России есть вопрос, связанный с общечеловеческими интересами, а заниматься его решением должно государство. Стало быть, необходимо организовать государственные предприятия по обеспечению максимально доступных и стабильных средств коммуникации внутри России.

Если в ближайшие месяцы не предпринять реальных шагов по обеспечению выполнений вышеназванных условий, то негативные процессы могут принять необратимый характер с

катастрофическими итогами для России. Указание на столь короткий промежуток времени – несколько месяцев – является вполне реальным сроком, в течение которого возможно выполнить данные условия если не во всей их полноте, то хотя бы в некоторой степени, позволяющей гражданам увидеть положительные подвижки в деле возрождения национальной культуры России и обеспечения доступных средств коммуникации внутри страны.

Здесь необходимо ясно осознать то, что локализация этнических культур на фоне краха культуры титульной нации способна привести не просто к распаду страны, а к искажению понимания правового государства. Ориентация общности на сугубо свои этнические интересы приведет к нарушениям в самой социальной материи и спровоцирует появление мутированных форм государств – прайдовых. В среде таких по сути антигосударств формируется иной тип права, который я условно назвал бы прайдовым правом. Полагаю, что введение этого понятия в философско-правовой понятийный аппарат обоснованно. Данная дефиниция непосредственно связана с понятием «прайд». Оно употребляется в отношении группы хищных животных (львов), живущей на определенной территории и имеющей лидера. Цель объединения животных в прайд состоит в их биологическом выживании. Характеризуя общество людей, не принято использовать слово «прайд». Однако в истории человечества существуют такие кризисные периоды, когда «очеловеченность» людей минимальна, соответственно степень проявления, раскрытия естественного права весьма ограничена, а позитивное право хотя формально присутствует, но оно неэффективно или малоэффективно.

В таком сообществе правовое поведение людей основано на лидерстве конкретного лица в определенной группе. Здесь источником власти выступает большое сознание индивида, в котором минимальна мера раскрытия естественного права и априорного содержания в целом. Характер законов прайдового права основан на искаженном видении миропорядка и принципов морали. Единство государства в условиях распространности прайдового права условно и поддерживается однородностью правовой обстановки на своей территории. Однако внутренне страна оказывается разделенной на регионы, в которых господствует определенный прайд. Такие регионы невозможно назвать административными единицами – это скорее прайдовые территории, где действуют законы, которые в цивилизованном обществе принято называть законами криминального мира. Несмотря на формальную включенность в государственные границы, жизнь на таких территориях не может характеризоваться в категориях государственного права. Незрелость или недоступность большинству людей средств коммуникации фактически блокирует всякую попытку государ-

ственной власти установить конституционный порядок в конкретном районе.

В сообществе людей, охваченных прайдовым правом, отсутствует стремление к решению общегосударственных задач; мировоззрение характеризуется узостью, а представления о духовности почти вырождены. Соответственно развитие личности в данных условиях немислимо. Индивид в условиях прайдового права оказывается поработанным узким клановым, этническим мышлением, в структуре которого гармонично уживается язычество и закрытость. Достаточно обратить внимание на территориальные «осколки от СССР» в виде таких государств, как Украина, Грузия, Азербайджан... Если Украина в составе СССР являлась республикой технически развитой, духовно здоровой, то в современной «незалежной» Украине мы видим не только спад индустриального производства, но и явную моральную деградацию, очевидное массовое увлечение язычеством, граничащим с богохульством в выступлениях сомнительных женских групп. В таких условиях теряются не только экономические, но и культурно-исторические связи.

Если мы посмотрим на страны Кавказа и Средней Азии, то там увидим исламизм, подпитываемый салафитским правительством Саудовской Аравии. При этом в этом исламизме налицо не религиозность, а сектантство. При таком положении дел межкультурная коммуникация невозможна, она неизбежно принимает криминальные формы: то на территории Львова законодательно запрещают говорить по-русски, то в Азербайджане человека преследуют по факту наличия Библии... (организация «Open Door» внесла Азербайджан в список стран, где права христиан ущемляются). Эти явления есть закономерный результат неспособности нормально развиваться в условиях локальности, закрытости этнических культур, которые деградируют до уровня прайда. Прежний интеллектуальный потенциал народа, загнанного в монокультурные государства, оказывается уже неостребованным; в его наиболее образованной среде образуется множество «ненужных» людей.

Зададимся вопросом: насколько остро ощущается нехватка в Туркмении, Грузии, Литве или Украине крупных специалистов в области космонавтики или инженеров военного судостроения, способных, например, спроектировать ракетный крейсер? Такие специалисты оказывались востребованными в СССР, который и являл собой ту мультикультурную среду, где было возможно их формирование. Поэтому то гибель многонациональной страны так болезненна и трагична; после распада многонациональных государств обычно возникает серия клановых ультранационалистических структур, начинается явное проявление тенденций, ранее находившихся в латентном состоянии и в целом осуждаемых общественностью. В условиях разобщенности людей локализация общностей становится пи-

тательной средой для складывания клановых, языческих группировок и, наконец, прайдового общества.

Главная угроза прайдового права заключена в его стремлении отвергнуть такие качества, как благородство, благочестие, доброта, то есть качества, без которых очеловечение индивида невозможно. Вместе с тем в прайдовом праве и, следовательно, в прайдовом обществе поступки, приводящие к вырождению человека как духовного существа, представляются нормативными. Формирование прайдового права, несмотря на всю свою деструктивность, есть крайне сложный процесс, в котором мутирует сама сущность государственности. Опираясь на опыт многовекового функционирования мощного Римского государства, общество уверовало в силу государства как самого по себе, решило, что в системе государственных отношений все будет работать достаточно эффективно, а в случае отказа одного из механизмов он будет продублирован другим, имеющим более результативный потенциал. Эта убежденность в преимуществе, действенности данной системы, в ее способности существовать самостоятельно в итоге прельстила людей мыслью, что и их насущные проблемы государство сможет решить само собой. В результате государственная машина из полезного, нужного средства для обеспечения порядка и безопасности в обществе в чем-то, по сути, превратилась в некую прелесть, подкупающую людей возможностью жить безответственно, подчас аморально, ссылаясь при этом то на закон, который не запрещает ему что-либо делать, то на право, которое призвано защищать его права.

Между тем государство не может и не должно восприниматься как безликая система, которая рассматривается в качестве способной быть самостоятельной и выстраивать с людьми какие-либо отношения. В Дипломатическом словаре дается такое определение понятию гражданства: «Гражданство – устойчивое политико-правовая связь физического лица с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей»¹². При таком понимании гражданства человек выстраивает отношения с государством, которое воспринимается как самостоятельная система, способная, в одном случае – быть расположенной к гражданскому лицу, а в другом – выступать против него. Так или иначе, но для безнравственного индивида, оказавшегося в неблагоприятных для него жизненных условиях, остается своеобразная лазейка: сослаться не на собственные просчеты, а на недостатки в правовой системе, иметь возможность воспользоваться ими в личных, порой в корыстных целях. Вместе с тем гражданство – это прежде всего состояние человека, в котором он способен разумно общаться с другими людьми на основе позитивного права. Фактически же люди забывают о том, что государство как форма их бытия есть производная от их же человеческой природы. Поэтому сущность государства может меняться

в зависимости от духовного состояния общества. Сущность государства хотя и устойчива, но не является абсолютной неизменной, некую константу. В.С. Петров пишет об этом следующее: «Сущность государства, будучи относительно устойчивым его свойством, тем не менее не является метафизически неизменной субстанцией»¹³.

К этому положению необходимо отнестись очень внимательно. Прайдовое право как раз и есть пример изменения самой сущности государства, причем эти изменения являются регрессом. Естественно, деградации государства предшествует деградация общества, отрыв государства и права от культурных ценностей, наконец, вырождение и гибель культуры. Государство само по себе не обладает способностью к долговременному функционированию – одно, два, максимум три поколения. Далее государство проявляет себя и функционирует по иным законам, которые мы назвали прайдовыми. Постепенно последние принимают характер самоудовольствующей силы, которая не просто становится нейтральной к нравственным поступкам, но и прямо подавляющей в людях всякое чувство нравственного. Иначе говоря, так же как закон истинного государства прямо борется со злом и утверждает добро, так и закон прайдового государства прямо борется с добром и утверждает зло, при этом активно вмешиваясь в жизнь той части общества, в которой еще сохраняются чувства человеколюбия, принципы нравственного. В последнем случае имеет место подмена государственных функций, что автоматически усиливает процесс распада общества. Между тем функциональная сторона государственного бытия непосредственно свидетельствует о его сущности. В.С. Петров отмечает: «Функция государства – это категория, в которой выражается его содержание, непосредственно связанное с его сущностью, социальным назначением»¹⁴.

В прайдовом праве государственность как форма волевого утверждения сущности человека продолжает функционировать, однако сущность, утверждаемая государством, оказывается совершенно иной, мало связанной с неписаными законами человечности. Особенно опасным представляется прайдовое право в том смысле, что разъединяет людей на узкие группы, при этом главари криминальных группировок при отборе их будущих членов подчас руководствуются критерием отсутствия в них твердых моральных правил, каких-то серьезных представлений о непреходящих культурных ценностях. В прайдовом праве основополагающие ценности культуры игнорируются и подменяются нормами контркультуры и субкультуры, носящими в большей мере сектантский характер. Между тем от степени и характера дробности общества во многом зависит глубина негативных проявлений в его различных структурах, в том числе в государственной жизни. Нельзя забывать о том, что сущность государства во

многим определяется характером социальной структуры. Так, советское общество было классовым, то есть структурированным по принципу вида трудовой деятельности. Снова обратимся к исследованию В.С. Петрова, где ученый отмечает: «Содержание государства есть указатель того, в руках какого или каких классов сосредотачивается политическая власть в обществе и против какого или каких общественных классов эта власть направлена»¹⁵.

В случае деструкции общественных ценностей элементы структуры общества могут быть подменены, заменены, например, кланами. Однако в силу того, что человечество уже довольно-таки давно прошло этап родоплеменного развития, кланы уподобляются прайдам. Это похоже на возвращение христианина к язычеству. Содержание остается богатым, но форма, резко ограниченная, не вмещает в себя прежнее, а поэтому подвержена мутациям, вследствие чего содержание становится предметом гордыни, способом болезненного самоутверждения своего «Я». Чем более богатое наследие оставлено настоящим государством пришедшему ему на смену прайду, тем более прайд становится сильным и опасным. Надо отметить то, что в последнее время среди молодежи возрастает неподдельный интерес к язычеству, однако, как правило, не связанному с истинным желанием изучить свою историю. Интерес к языческой культуре, по сути дела, связан с ростом агрессии в отношении представителей иных народов, которые начинают восприниматься как чужие и даже враждебные. Если князь Владимир в 988 г. принимал Христианство по причине необходимости объединения славянских племен, то современное наступление язычества способно послужить предпосылкой к распаду страны.

Кроме того, надо всегда осознавать то, что государство не является каким-то мертвым механизмом, работающим по каким-то собственным законам. Любое государство есть результат духовной жизни народа, включающего в себя множество национальностей, этносов, есть продолжение его внутренней жизни. Именно в государстве наиболее полно и осознанно кристаллизуются культурные традиции, ментальные особенности народа. Так, в данном контексте представляют определенный интерес речевые характеристики, те языковые образительные средства: эпитеты, сравнения..., обычно прибавляемые к названию некоторых государств для того, чтобы подчеркнуть мироощущение, склад ума, мировосприятие, психологические особенности их населения. Впрочем, в отдельных случаях не исключается и такое, как стремление выдать желаемое за действительное. Если нация называет свою страну доброй, то это значит, что в ее сакраментальном, в течение веков укоренившемся представлении подобная оценка связана с миропониманием, при котором во главу угла людьми ставится прежде всего доброта (как в Великобритании: добрая старая Англия).

Если народ свое государство называет «великим», то это проливает свет на то, что нацией придается большое значение эпитету великий (как в Германии); если же в речевой народной характеристике страны звучит преобладающее определение «святая» – налицо логичное объяснение: дорожат именно таким национальным критерием культуры, как святость (святая Русь).

Замечу кстати, святость не может мыслиться вне добра, вне величия и славы; она всеобъемлюще вбирает в себя все нравственное, одновременно преодолевая границы чисто морального, входя в пределы духовной жизни, захватывая всю глубину человеческого сердца, всякое движение человеческого ума и чувства. Святость заставляет человека мыслить надмирными категориями. Собственно говоря, на Святой Руси всегда были в почете благочестие, добролюбие, благоговение. Именно эти качества русского народа были призваны утвердить государственность, рожденную в недрах его национального характера, а в первую очередь его религиозного опыта. На основе концепции Святой Руси Россия стала многонациональной страной, в которой каждый народ приобщался к христианским ценностям, при этом сохраняя свою культуру. Здесь речь не идет о нивелировке этнических культур, об их оформлении по некоему слепку; как раз наоборот, Святая Русь задавала общее направление духовному росту общностей, в котором раскрывалось богатство их культуры. В этом отношении уместно вспомнить слова христианского философа П. Флоренского, отмечавшего, что Христос есть «не ходячее нравственное правило, но и не модель для копирования; Он – начало новой жизни, которая, раз принятая в сердце от Него, сама уже развивается по собственным законам»¹⁶.

Примечательно, немаловажную роль в решении национально-культурных проблем должны играть инновационные проекты, позволяющие успешно сочетать национальное и интернациональное воспитание населения страны. Народ, вобравший, сохранивший вековые многонациональные традиции, – обладатель уникальной культуры, синтеза разных культур. В статье «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин, говоря о российской цивилизации, отмечает: «Стержень, скрепляющий ткань этой уникальной цивилизации, – русский народ, русская культура... и самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром»¹⁷. Бесспорно, в непростых условиях современности, в атмосфере, породившей новые цивилизационные противоречия, проблематично и сохранение, и развитие «русского культурного ядра». Тем не менее поставленная задача, касающаяся сегодняшнего состояния полиэтнической цивилизации – при всестороннем теоретическом осмыслении, серьезной проработке и системной практической реализации – может быть решена успешно. Следует отметить то, что в целях обеспечения

устойчивого и управляемого состояния многонационального общества положительное значение имеет мегакультурная модернизация, в ходе которой в измененном состоянии социума происходит сознательно организованный процесс, исключающий стихийный характер, нередко проявляющийся в себе зло.

В данном контексте невозможно обойти молчанием такое понятие, как зло, ибо оно, как это ни печально, сосуществует рядом с добром. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев утверждает: «Зло... – это прежде всего отрицание добра, его отражение со знаком минус... Чем сильнее добро, тем опаснее его “противовес” – зло...»¹⁸. Помимо того, Д.С. Лихачев справедливо отмечает, что зло обладает сознанием, способностью целенаправленно действовать, поражая в культуре все то самое драгоценное, на чем она зиждется. Вот именно здесь зло отображает свою природу, которая не имеет никакой самостоятельности, а лишь в состоянии паразитировать, питаться добром, обращая его в нечто отрицательное. «Грех бесплоден, потому что он – не жизнь, а смерть. А Смерть влачит свое призрачное бытие лишь Жизнью... питается от Жизни... То, что есть у Смерти, – это лишь испоганенная ею жизнь»¹⁹. Так и здесь, зло искажает добро, обращает его в свою противоположность. Эта мысль озвучена Д.С. Лихачевым, который для ее иллюстрирования пишет: «Так, например, если народ щедр и щедрость является его наиболее важной чертой, то злое начало в нем будет расточительность, мотовство. Если наиболее приметная черта народа состоит в точности, то злом окажется нестигаемость, доведенная до полной бессердечности и душевной пустоты»²⁰. В данном случае беру на себя смелость добавить следующее: если самой яркой народной чертой является святость, то злое начало вполне способно обернуться проявлением откровенной бесовщины, когда на смену сакраментальному – священному, завещанному народу его предками, – исподволь, но тем не менее явственно заявляют о себе безнравственность, какое-то моральное увечье, духовная опустошенность, наконец – прямое служение Зверю.

Таким образом, мы обосновываем мысль, изложенную в первом абзаце данной статьи: мультикультурность государства сама по себе является большим преимуществом и достоянием, но в обратной своей стороне, при условии смерти национальной культуры, эта мультикультурность способна привести к болезненному распаду общественных отношений, сопряженному с крахом правовой жизни граждан. И здесь уместно дать краткую характеристику общим характерным чертам, присущим устройству общества, где господствует прайдовое сознание. Согласно законам прайдового права, складывается и определенный уклад общества, в повседневной жизни которого вырабатывается и соответствующее ему сознание людей, каковое можно назвать также прайдовым. Выделим не-

которые черты прайдового сознания: доминирование локальных интересов и индифферентное отношение к мировым проблемам; узость мировоззрения; слабая выраженность чувства социальной ответственности; ориентация общества на развлекательную культуру и господство принципа удовольствия; широкая распространенность жаргонной терминологии; оторванность законодательства от культуры.

На этом последнем пункте есть смысл остановиться подробнее. Оторванность законодательства от культуры само по себе в здоровом государстве невозможно, поскольку всякий закон функционирует первоначально в качестве неписаной культурной традиции, а лишь затем институционально закрепляется в государственном праве. Если традиция не получит правового обеспечения или законодательно станет запрещенной, то она все равно будет строго соблюдаться, если культурные ценности предрасполагают общество к ней. В этом случае государственные реформы, противоречащие культурным традициям, не будут иметь широкого распространения в обществе. «Инновации, которые не санкционированы в культуре, не воспринимаются в ней как «свои», как нечто привычное, комфортное, могут провоцировать мощное, массовое дискомфортное состояние в обществе»²¹, – пишет А. Ахизер.

Полагаем, что в прайдовом обществе происходит унижение и уничтожение, своеобразное упразднение культуры и, как следствие этого, подъем контркультуры. Между тем нельзя недооценивать силу государственного влияния на быт народов. Достаточно вспомнить деятельность Петра I, которого его подданные с полным основанием называли Антихристом. Этот правитель в ходе своей реформаторской деятельности свел крепостное право к рабству, жестоко подчинил себе Церковь, залил страну кровью и растлил саму государственную власть и, используя государственные механизмы воздействия на социум, переориентировал вектор развития страны. Иначе говоря, государство обладает очень большой силой, часто определяющей весь общественный ход развития.

В начале XXI столетия, когда основные нормы традиционно понимаемой культуры во многом преданы забвению, государство стало особенно действенной силой, подчас недостаточно подвергаемой контролю, а то и вовсе не контролируемой. На таком фоне усиление диктатуры закона может привести к неоднозначным последствиям. С одной стороны, сила государственного закона способна переломить общее положение дел в лучшую сторону, задействовать административный ресурс для разумной организации государственной жизни. Однако если среди представителей власти окажется нечистоплотный, неразборчивый в средствах для достижения корыстной цели чиновник, в котором вырождена человеческая природа, то диктатура закона превратится в тиранию прайдового порядка.

Бесспорно, укрепление власти государства есть процесс благотворный, но без высокого духовного уровня он способен затормозить развитие общества. С одной стороны, укрепление вертикали власти нужно, поскольку к началу XXI в. Россия как многоконфессиональная и многонациональная страна оказалась перед опасностью очередного распада. Однако, с другой стороны, в условиях девальвации традиционных ценностей культуры одни лишь административные меры могут привести к обратному результату, то есть к усилению сепаратизма. Жесткие заявления представителей власти могут быть эффективны в деле укрепления страны, если они сами подадут пример нравственной чистоты. Однако эти же самые заявления из уст властей имущих, не обремененных моральными устоями, могут вызвать, прежде всего в исламских общностях, лишь глубоко пренебрежительное и злобное отношение как к государству, так и к его руководителям.

Бесспорно, власти в России предпринимают целый ряд мер по сохранению гражданского единства, причем мер нужных, правильных, однако для значительной части общества, находящегося на невысоком уровне культурного развития, они явно недостаточны. Так, Б.В. Марков характеризует государственный кризис Римской империи так: «Огромная территория, населенная разными народами, верующими в разных богов и говорящими на разных языках, уже не переживалась как отечество. Рим стал политической фикцией и должен был придумать новую технику сборки коллективного тела империи... Взамен демократически избранной власти Рим опирался на бюрократию и управлял массами при помощи зрелищ, которые, казалось, ведут к одичанию и обезчеловечиванию людей»²².

В ситуации деструкции базовых ценностей культуры закон, как производное от человеческой деятельности, может пойти вразрез с правом, прежде всего с естественным. Социум вне культурных норм оказывается достаточно уязвимым по отношению к манипуляциям общественным сознанием, поэтому не в состоянии в должной степени обеспечить эффективный и целесообразный контроль за деятельностью государственных институтов. В этом случае государство под видом реформ, подчас прикрываясь идеей толерантности (которая сама по себе хороша), способно навязать обществу аддитивные формы поведения, которые в условиях отсутствия культурного ценза получают широкое распространение и общественное признание.

Безусловно, нельзя отрицать саму идею толерантности, либерализма. Вне либерализма крайне затруднительна интеграция и сосуществование многих народов в едином государстве, поэтому для России, объединившей в своих пределах множество культур и религий, особенно важно защищать ценности либерального, толерантного общества. «Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть целого, которое без него распадется или замерзнет...»²³. Однако тот ли-

берализм, который ныне нередко выносятся на суд российской общественности, весьма опасен. Кстати, не без причины еще Ф.М. Достоевский, незадолго до революции и девальвации самой российской государственности царского режима, отмечал: «Либерал дошел до того, что отрицает самую Россию... Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг... и свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм»²⁴. Однако либерализм конца XIX в. был главным образом направлен против государства, но не против человеческой природы, поэтому после свержения царизма молодое советское общество сумело построить мощное государство, оказавшееся весьма жизнеспособным и с которым считались на международной арене. Тот же либерализм, с которым Россия сталкивается с конца XX в., по сути направлен на разрушение, вырождение самой человеческой природы. После того как либерализм такого рода даст свои плоды, будет немислимо не только функционирование существующей формы государственности, но станет невозможным возрождение самой государственности в любой ее форме. Иначе говоря, мы можем оказаться перед фактом полного уничтожения русского народа и православной культуры.

В условиях господства прайдового права особое значение в жизни нации имеет ее способность сохранять человеческое лицо на фоне произвола отдельных лиц. Эта способность может выражаться в сознательном, волевом отказе от действий, допустимых с точки зрения прайдового права, но преступных в контексте позитивного права и аморальных в свете естественного права. Тем не менее эта способность сама по себе хотя и предохраняет человека от духовной деградации, но не способствует росту правосознания и оздоровлению общества в целом. Для эффективной борьбы с прайдовым правом необходимы сила и гибкость позитивного права, его органичная связь с естественным правом, перцепция последнего как значимой ценности.

Особенно важным является сохранение единства страны, предотвращение локализации этнических или конфессиональных общностей; в противном случае мы окажемся перед угрозой клановой и сектантской системы, которая разьет страну и приведет к ее дезинтеграции. Единственной подлинной основой для сохранения целостности страны и гражданского порядка является культура, которая функционирует не на основе административных распоряжений представителей власти, а на основе соблюдения этических норм, нравственной и гражданской ответственности за свой народ. Культура немислима без следования нормам духовной чистоты, строгой нравственности, благородства, поэтому-то так важно законодательно защищать культуру как императив развития и функционирования любого общества. Только при таком положении дела, когда русский народ будет являть собой пример высокой культуры, иные народы считают при-

■ Социология

соединение к России или сохранение единства с ней наиболее действенным средством и условием для организации разумной жизни и духовного роста.

Panishchev A.I. National Cultures of Russia in the Conditions of Society Transformation in the XXI Century.

Summary: *This article is devoted to the problem of maintaining state integrity of a multicultural country – Russia – in the situations of transformations of law environment and decay of national culture. Nevertheless national culture is sole capable for keeping state integrity and civil order.*

Ключевые слова

Культура, нация, мультикультурная страна, право, коммуникации.

Keywords

Culture, nation, multicultural state, law, communications.

Примечания

1. Краткий этимологический словарь. М.: Просвещение, 1971. С. 489.
2. Православная энциклопедия под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. II. М., 2005.
3. Юнг К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг. Мн.: ООО «Харвест», 2003. С. 476.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. М.: АСТ, 2001. С. 119.
5. Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека / П.С. Гуревич // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 20.
6. Смирнов С.А. Современная антропология. Аналитический обзор / С.А. Смирнов // Человек. 2003. № 5.
7. Колычев С.В. Проблема антропологической катастрофы в западноевропейской философии XX века / С.В. Колычев // Антропологические конфигурации современной философии. Материалы научной конференции. М.: МГУ, 2004. С. 115.
8. Рупова Р.М. Антропологические модели в социальной философии XX–начала XXI века : автореф. дис. ... канд. философ. наук / Р.М. Рупова. М.: РГСУ, 2008. С. 3.
9. Марков Б.В. Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации / Б.В. Марков. СПб.: Наука, 2011. С.12.
10. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в России в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1896-1900. Цит. по Лебедеву Льву, прот. Москва Патриаршая. М., 1995. С. 213.
11. Смирнов С.А. Современная антропология. Аналитический обзор / С.А. Смирнов // Человек. 2003. № 5. С.168.
12. Петров В.С. Сущность, содержание и форма государства / В.С. Петров. Л.: Наука, 1971. С. 269.
13. Там же. С.15.
14. Там же. С.29.
15. Петров В.С. Тип и формы государства / В.С. Петров. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1967. С.39.
16. Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П. Флоренский. М.: АСТ, 2003. С. 200.
17. Путин В.В. Россия: национальный вопрос / В.В. Путин // Независимая газета. 2012. № 7. С. 1.
18. Лихачев Д.С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт / Д.С. Лихачев // Наше Наследие. 1991. VI. С. 15-16.
19. Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П. Флоренский. М.: АСТ, 2003. С. 153.
20. Лихачев Д.С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт / Д.С. Лихачев // Наше Наследие. 1991. VI. С. 15-16.
21. Ахиезер А. Ценности общества и возможности реформ в России // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 17.
22. Марков Б.В. Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации / Б.В. Марков. СПб.: Наука, 2011. С.9.
23. Достоевский Ф.М. Идиот / Ф.М. Достоевский // Собрание сочинений. В 12 т. Т. 6. М.: Правда, 1982. С.14.
24. Там же. С.16-17.